

**Хозяйство первых русских Патриархов:
Книги Патриарших приказов 1620–1649 гг.
как исторический источник***

В современной исторической науке в трудах о Патриархах исследователи обычно уделяют основное внимание их церковному служению, духовным сочинениям, политическим взглядам. При этом повседневная жизнь, ее бытовые и хозяйственные аспекты часто остаются вне поля зрения ученых. Исследование И. А. Устиновой представляет собой скрупулезный анализ делопроизводственных документов органов управления, возникших при Патриархе в XVII в. Это Патриаршие Казенный, Дворцовый и Разрядный приказы. Оказалось, что к настоящему моменту утрачено почти 90% существовавшей ранее документации. Тем не менее автору удалось восстановить структуру и функционал основных учреждений Патриаршей кафедры рассматриваемого периода.

В 1-й главе работы Устинова реконструирует комплекс делопроизводственных документов этих учреждений за 2-ю четверть XVII в. Исследовательница выделила несколько этапов развития делопроизводства. Первоначально для документации Патриарших приказов было характерно отсутствие устойчивой делопроизводственной структуры. В однотипные хозяйственные записи зачастую включалась чужеродная документация. В 1630-х гг. делопроизводство начало расти в объеме, приобрело более сложную и устойчивую структуру. Отмеченные процессы проходили под влиянием государственных приказов. В результате Патриаршее делопроизводство по форме начало соответствовать общегосударственным нормам. Выработанная в этот период практика стала обычной для документации последующего периода.

Остальные главы монографии освящают работу приказов. Приказы возглавлялись судьями. Среди них лишь глава Казенного приказа назначался Патриархом из братии крупнейших монастырей. Остальные кандидатуры предлагались царем. Вторым лицом в приказе выступал дьяк. Их было 2

* Устинова И. А. Книги Патриарших приказов 1620–1649 гг. как исторический источник. М.: ИРИ РАН, 2011. 346 с.

в Разрядном приказе и по одному в Казенном и Дворцовом приказах. Назначались они «с государева ведома». Дьяки Патриарших приказов, хотя и записывались в документах отдельно от дьяков государственных приказов, на практике были частью государственного приказного аппарата и со временем могли переводиться в другие приказы. Патриаршие подьячие, также как и дьяки, могли перемещаться в государственные приказы. По современным меркам штат Патриарших приказов кажется небольшим. К примеру, в Патриарших приказах и хозяйственных учреждениях Патриаршего двора, по подсчетам Устиновой, численность подьячих составляла около 30 человек. Однако для 1-й половины XVII в. это огромная цифра. Для сравнения можно вспомнить, что в штате Посольского приказа (дипломатического ведомства России) подьячих было в 1,5 раза меньше. В число служащих Патриарших приказов входили также площадные подьячие, стряпчие, приставы и недельщики. Первые составляли челобитные для обращающихся в приказы просителей, но могли и наниматься для разовых работ в самих приказах. Через стряпчих Патриаршие приказы сносились с другими приказами, на этой же категории служилых людей лежала обязанность готовить документы, касающиеся «внешних» сношений Патриарших приказов, стряпчие также доставляли в приказы собранные с крестьян деньги и выполняли различные поручения приказного начальства. Для ведения судебных дел привлекались приставы и недельщики. Они обеспечивали сбор доказательств, сыск и доставку ответчиков, поиск свидетелей. В число постоянных приказных служителей входили сторожа.

В поле зрения автора находятся также проблемы подведомственности приказам различных типов земельных владений и населения. Устинова отмечает сложную структуру подведомственного Патриарху земельного фонда. В него входили жилые и пустые церковные земли (ведал Казенный приказ), земли, предназначенные для испомещения Патриарших детей боярских (ведал Разрядный приказ) и домовые владения Патриарха (контролировались Дворцовым приказом). В границах Патриаршей области, включавшей более 40 городов с уездами по всей территории страны, приказам подчинялось все население, которое облагалось сложной системой пошлин (церковная дань, пошлыны за совершение таинств, оброчные и откупные платежи). Отдельными статьями дохода являлись штрафы и судебные пошлыны. В приказы поступала также арендная плата с пустых церковных земель. Исследовав полный годовой комплект денежных книг Патриаршего Казенного приказа, Устинова пришла к выводу, что основные доходы Патриаршей кафедры составляли окладные и не окладные сборы с церковью (51%), а также оброк (33%). Средства расходовались на содержание Патриаршего двора и хозяйства (60%), еще 20% приходилось на административные расходы и 20% шли на церковные нужды.

Административный и судебный надзор в Патриарших владениях осуществлялся светскими Патриаршими чиновниками – десятильниками, назначавшимися из Патриарших детей боярских. Представители этой социальной категории выступали также управляющими домовых сел. Часть Патриарших

детей боярских отправлялась на военную службу. Вопросами «верстания поместным окладом» детей боярских, а также их отправки на Патриаршую или на государеву военную службу ведал Патриарший Разряд. До начала 1630-х гг. при Патриаршем дворе по аналогии с царским двором существовал чин Патриарших стольников, однако после смерти Патриарха Филарета они были переведены в государев Разряд.

Сфера деятельности Патриарших приказов выходила за рамки Патриаршей области. Через них по всей стране рассылались указы по общим церковным вопросам, к примеру, о недержании в монастырях хмельного питья, уничтожении в Потребнике прилога «и огнем» и др. Занимались Патриаршие приказы и некоторыми делами церковной жизни на местах. Так, в мае 1647 г. Серапиону, архиепископу Суздальскому и Тарусскому, была направлена Патриаршая грамота с предписанием собрать сведения об исцелениях от Казанской иконы Божией Матери, которая явилась в Суздальском уезде. Данные об исполнении указов также поступали в приказы.

Сухие свидетельства делопроизводственной документации в книге И. А. Устиновой гораздо ярче, чем любые другие документы, показывают, что по мере увеличения материального могущества Церкви управление церковным хозяйством все больше сращивалось с государственным управлением. Позднее эти тенденции развития церковно-государственных отношений выразились в создании Монастырского приказа. Завершение данного процесса пришлось уже на Синодальный период церковной истории.

*С. М. Шамин, кандидат исторических наук
(Институт российской истории РАН)*